

А. С. ЖАМКОЧЯН

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ФАЯНС АРМЕНИИ IX—XIV вв.

РЕЗЮМЕ

Работа посвящена исследованию одной из наиболее слабо изученных отраслей ремесленного производства средневековой Армении—производству фаянса. В основе ее лежат богатые материалы, добытые в результате многолетних систематических археологических раскопок из средневековых городов и поселений Армении: Ани, Двина, Анберда, Гарин и др.

Практика многочисленных научных наблюдений показывает, что хронологические и локальные особенности керамики, в том числе и фаянсовой, как правило, непосредственно отражают различные изменения, происходящие в социально-культурной и политико-экономической жизни в те или иные исторические периоды.

Организации и дальнейшему развитию производства фаянса в Армении способствовал ряд факторов, главным из которых являлись богатые залежи глины, необходимые рудные месторождения и широкий круг ремесленников, безусловно владеющих всем арсеналом профессиональных навыков, необходимых для изготовления высокохудожественных образцов производства. Некоторые сведения о средневековой алхимии, имеющиеся в рукописных текстах того времени, совместно с вещественными остатками материальной культуры, создают наиболее полную картину производства фаянса. Таковыми являются сведения о различных металлах, используемых для получения красящих веществ, видах глиняных залежей Армении, пригодных в гончарном деле, и ряд других данных, касающихся технологии производства фаянса. Сведения армянских источников зачастую подтверждаются и дополняются данными средневековых авторов других стран.

Производство фаянса отображает большой эстетический вкус средневековых мастеров-ремесленников.

Вопросы, связанные с организацией производства фаянса средневековой Армении, в

определенной степени были освещены в монографических работах Н. Я. Марра, К. Г. Кафадаряна, Б. Н. Аракеляна, В. А. Абрамян. В их исследованиях частично использованы археологические материалы Двина и Ани и на основе их сделаны интересные выводы и обобщения. Особого внимания заслуживают работы Б. А. Шелковникова, в которых обобщен и систематизирован материал, известный до 50-х годов. Однако при классификации автором не были учтены богатые и характерные коллекции из крепостей Анберда, Гарни, Тикиуни и др., содержащие весьма характерные изделия из фаянса, хронологически относящиеся к периоду монгольского владычества в Армении.

В задачу нашего исследования входит попытка обрисовать картину производства фаянса в Армении и выделить особенности его развития в отдельные исторические периоды (IX—XIV вв.).

Фаянс IX—X вв., добытый в основном из Двина, по способу изготовления делится на три большие группы:

1. *Фаянс, покрытый глухой глазурью и расписанный кобальтом.* Изделия имеют мискообразную форму, слегка отогнутый венчик, широкое круглое дно; черепок желтоватый. Орнамент в большинстве случаев растительный (цветочки, листочки, треугольники). По форме, качеству черепка и характеру орнамента эти сосуды аналогичны материалу из Самары (раскопки Ф. Заре). Такие же сосуды известны и в Иране (А. Поп). Эти находки, по-видимому, имеют месопотамское происхождение и относятся ко второй половине IX в.

Типологический анализ небольшой группы фаянсовых чаш указывает на их местное происхождение. Черепок имеет сероватый оттенок, чаши расписаны кобальтовым раствором, однако орнамент более скромный и упрощенный (линии, точки).

Почти такая же посуда известна из слесей IX в. Суз и Самары, хотя она имеет несколько

ко большие размеры и более богатую роспись. Сравнительный анализ всех признаков приводит к выводу, что двинские миски изготовлены в условиях местной среды, однако при явном влиянии южных традиций. Аналогичное явление хорошо прослеживается и в производстве поливной керамики¹.

II. *Фаянс с надглазурной росписью (люстр)*. У исследователей, занимающихся вопросами культуры Передней Азии, существуют противоречивые мнения относительно происхождения и распространения люстровой керамики. Одни считают ее родной Египет (Ж. Бутлер), другие—Ирак (М. Саладин, Г. Мижош) или Иран (А. Поп). В Армении подобная керамика происходит только из раскопок Двина.

Значительная часть двинских люстровых сосудов, по-видимому, ввезена из крупных производственных центров Передней Азии, например, Самары. В этом плане особое значение приобретает расшифровка арабских надписей на сосудах рассматриваемого типа, предпринятая В. А. Крачковской и Э. Герцфельдом. С помощью исследования различий стилистических особенностей надписей на каждом сосуде в какой-то степени удастся отнести его к тому или иному производственному центру, что в свою очередь подтверждает наличие в изучаемый период культурных связей Армении с Нишапуром, Самарой, городами Египта. Некоторая часть двинских сосудов по своему характерному стилю росписи, качеству черепка (сероватый цвет, мелкозернистость), внешним формам (миски малых и средних размеров) и знакам мастеров, несомненно, должна быть изготовлена в мастерских Двина.

III. *Полихромный люстровый фаянс*. Керамика этого типа характеризуется желтоватым тонким, но твердым черепком, с геометрическим узором (стрелы, кружочки, волнистые или прямые линии); для прозрачных поливных сосудов—различные оттенки коричневого, зеленого цветов или ярко-красных люстр. Исходя из цветовых оттенков полива и характера росписи специалисты считают, что в IX—X вв. имелись два крупных производственных центра полихромного фаянса: один в Самаре (М. Саладин, Г. Мижош), а другой в Египте (Р. Шнайдер).

Экземпляры такой посуды в Двине добыты еще во время первых сезонов археологических раскопок. Они локализируются исключительно в центральном квартале города, ли-

бо в комплексах IX в., либо у построек этого же времени. Таким образом, двинский полихромный фаянс качеством своего черепка, а также характерным орнаментальным мотивом сближается с аналогичными сосудами Самары и Фустата, найденными в слоях IX в. Этот факт свидетельствует о том, что они ввозились в Армению из этих центров и должны относиться к IX в.

Китайские селадоны. В Армении китайские селадонные сосуды IX в. представлены лишь несколькими фрагментами и одной миской плохой сохранности. Они обнаружены в колодцах царского дворца Вагратидов в Ани. Качеством черепка, внешней формой, росписью и художественным исполнением они напоминают китайские селадонные сосуды IX в. и, следовательно, датируются тем же временем. Учитывая, что в IX в. город Ани еще не был крупным торгово-ремесленным центром, можно предположить, что эта посуда использовалась Вагратидами еще в Карсе и Еразговорсе, где были расположены их родовые поместья.

Научное осмысление раннего фаянса, который известен пока только по раскопкам Двина, делает очевидным, что в IX—X вв. этот город феодальной Армении выступает как крупный центр ремесленного производства и торговли. О тесных торговых связях с южными и юго-западными странами свидетельствуют также отдельные находки монет IX—X вв., которые, по определению нумизмата Х. Мушегяна, связаны с Сирией, Ираком и Северной Африкой.

Во второй половине XI в. политическое положение Армении резко ухудшается. Сельджукские нашествия нанесли ощутимый удар хозяйственной жизни многих стран и в том числе Армении. В самом конце XII в. совместными усилиями армяно-грузинских войск страна была освобождена от сельджукских завоевателей. Лишь после этого создались весьма благоприятные условия для развертывания широкого фронта строительных работ, возобновления торговли и возрождения всех отраслей ремесел.

В этот период производство фаянса в Армении является одним из совершенных ветвей художественной керамики и получает широкий размах, что прежде всего было обусловлено большим спросом как на внутреннем, так и на внешнем рынке сбыта. Начиная со второй половины X в. Ани становится крупным перевалочным пунктом на торговом пути между Востоком и Византийской империей, а с XI в.—крупным политическим, хозяйственным и культурным центром страны. Последнее не означает потерю Двином своего значения. Наоборот, раскопки показывают, что

¹ В 1965 г. в центральном квартале обнаружены экземпляры поливной керамики, выполненной из двинской красной глины, но внешними формами и росписью очень напоминающими самарские образцы.

здесь в XII—XIII вв. процветает производство керамики, сохраняющее свою самобытность.

Среди огромного керамического материала, полученного в результате раскопок вышеупомянутых городов, выделяется богатая и разнообразная коллекция фаянса, которую автор подразделяет на следующие группы:

1. *Фаянс с хрупким черепком и наклепным орнаментом:* а) с наклепными розетками; б) с закрученным рельефным орнаментом; в) с наклепным миндалевидным орнаментом и маскаронами; г) с маскаронами; д) фаянс, предназначенный для архитектурных украшений.

2. *Фаянсовые сосуды с четко выраженными боковыми гранями.*

3. *Фаянс с хрупким черепком и ажурным орнаментом.*

4. *Фаянс с хрупким черепком, расписанным кобальтом и ажуром.*

5. *Полупрозрачный белый фаянс.*

6. *Фаянс с твердым черепком, гравированным орнаментом.*

7. *Фаянс, покрытый глазурью и расписанный люстром:* а) на белом фоне, расписанный люстром; б) полихромный с надглазурной росписью (минан); в) с темным кобальтом, расписанный люстром; г) расписанный кобальтом и прозрачной глазурью (надглазурный); д) украшенный растительными мотивами и надписями, покрытыми белой прозрачной глазурью.

8. *Китайские селадоны.*

Большинство этих предметов по качеству черепка, внешним формам и характерным признакам орнамента специфичны для местного производства. Обилие фаянсовых сосудов указывает на то, что они, несомненно, имели широкое применение в XII—XIII вв. и являлись массовой продукцией, используемой широкими слоями населения.

Производство фаянса резко расширяется. Мастера-ремесленники уже изготавливают его не только по отдельным индивидуальным заказам, а выпускают для массового потребления.

Местные гончары изготавливали высокохудожественные фаянсовые сосуды, которые отличались изяществом форм и неповторимыми орнаментальными композициями. Если в IX—XI вв. фаянс в основном был представлен мисками, то уже в XI—XIII вв. он приобретает самые разнообразные формы и функциональное назначение. Все эти факторы, бесспорно, свидетельствуют о существовании в Армении местной, самобытной школы гончарного ремесла со своей спецификой, порой неповторимыми чертами.

Эпиграфические знаки прослеживаются на одной группе двинских сосудов. Они расположены на дне; нанесены темно-зеленой краской. Подобное наблюдается только на посуде, происходящей непосредственно из Двина. Такая закономерность наводит на мысль, что эти образцы изготовлены в одной и той же специализированной мастерской. Неменьший интерес представляет арабский трехстрочный текст, нанесенный на дне полупрозрачного сосуда. Присутствие арабского текста на посуде, изготовленной в двинской мастерской, указывает на то, что среди основной массы христианского населения города имелись мусульманские элементы, которые основались в городе и приспособились к местной среде.

Приведенные данные дают основание полагать, что в одной и той же мастерской работали ремесленники как христианского, так и мусульманского происхождения, и каждая из этих групп старалась вложить свой труд и знания в предметы, имеющие большую художественную ценность. Предполагается, что эти знаки обозначают принадлежность либо ремесленнику, либо заказчику.

Керамическая и особенно фаянсовая продукция Ани и Двина отличалась весьма высокими качествами. Она имела большой спрос на ближневосточных и кавказских рынках. Так, например, ажурные миски с хрупким черепком XI в., найденные в Дмаиси, по мнению некоторых специалистов (Н. Мамай-ашвили), привезены сюда из Ани. То же самое, вероятно, можно сказать относительно украшенного маскаронами фаянса, происходящего из роскошных материалов Ал-Мина (Сирия).

Армянские мастера-ремесленники в свою очередь восприняли у народов этих стран ряд достижений и традиций, применяемых в производстве фаянса; поэтому не случайно, что многие предметы, изготовленные на месте (полупрозрачные, ажурные с хрупким черепком и пр.), несут на себе следы, чуждые специфическим чертам армянского производства. Наши образцы как по форме, так и по декору нередко тяготеют к изделиям мусульманского Востока. Встречаются также такие типы фаянса, на местное изготовление которых указывает лишь характер керамического теста. На последних встречается та же орнаментальная роспись, что и на импортной посуде; однако они отличаются качеством черепка.

Изучение материала, имеющегося к настоящему времени, показывает, что в XI—XIII вв. в Армении действовали два крупных центра производства фаянса. Один из них находился в Двине, второй — в Ани. Несом-

ненно, последний работал под влиянием первого. Формы и орнамент двинской и анииской фаянсовой посуды зачастую повторяют друг друга; разница между ними иногда заключается лишь в качестве сосудов. Это объясняется, во-первых, тесными культурными связями этих городов и, во-вторых, переселением части населения Двина в Ани в период, когда во второй половине X в. последний становится столицей Армении. Надо полагать, что среди переселенцев были мастера-ремесленники, которые принесли с собой традиции керамического производства Двина и продолжили их развитие в новой для себя среде.

Орнамент армянского фаянса по своему характеру разнообразен и разнообразен. Как отдельный мотив или часть более сложного сюжета выступают различные розетки, которые используются как при украшении скульптур, архитектурных деталей, миниатюр, так и изделий народного прикладного искусства. Излюбленным мотивом армянских гончаров являются ленточные пояса со стилизованными колосьями, различные вариации которых украшают хрупкие, мягкие черепки, полупрозрачные ажурные фаянсовые сосуды. Все это вместе взятое, несомненно, является продуктом фантазии и большого эстетического вкуса, присущими армянскому средневековому обществу. Аналогичные орнаментальные мотивы нашли свое отображение и в оформлении металлических предметов, образцах поливной керамики, на архитектурных сооружениях, в живописи.

В средневековой армянской орнаментации довольно часто встречаются изображения мифических существ—персонажей народных преданий. В одних случаях они выступают в сочетании с природой, составляя с ней как бы единую композицию, в других—этот мотив является ведущим сюжетом. При анализе отдельных деталей рисунков этих фантастических существ как на местных, так и чужеземных образцах фаянса, видны особенности, характерные для основных школ керамического производства данной эпохи.

При сопоставлении с аналогичным материалом переднеазиатских производственных центров можно заметить, что некоторая часть местного фаянса своей формой и характером черепка находит определенные параллели в других странах. Другая же часть—более массовый материал—таких аналогий не имеет, что, по мнению автора, является показателем местного происхождения.

Таким образом, становится возможным выделить фаянс, характерный для армянских производственных центров, локализованных в основном в городах Ани и Двин. Средневековые крепости-поселения Анберд и Гари,

где количество найденных образцов крайне незначительно, по всей вероятности, получали фаянс именно из этих центров. Об этом свидетельствует то, что найденные здесь фаянсовые изделия очень близки к керамике Двина и Ани. Эти предположения сделаны в основном по внешним признакам. Они могут быть окончательно уточнены лишь после проведения серии спектрально-химических анализов и дополнительных археологических раскопок на новых синхронных памятниках. Специализированных мастерских по производству фаянса в Двине пока не обнаружено, что позволяет предположить об изготовлении в одних и тех же мастерских фаянсовой и поливной керамики. Поводом к такому предположению служит тот факт, что формы, орнаментальные мотивы поливной керамики и фаянса часто повторяют друг друга. В пользу этого говорят и технологические процессы этих двух видов керамической продукции.

Общезвестно, что средневековый фаянс и поливная керамика применялись не только в быту, но и служили декором. В Двине, в отличие от Ани, здания строились из сырьевого кирпича, украшались гипсом, мозаикой, различными геометрического характера узорами, выполненными из фигурных кирпичей с целью придания жилым помещениям законченного художественного вида; с этой же целью очень часто использовались фаянсовые сосуды. В этом отношении весьма интересным следует считать серию чаш, расписанных кобальтом, одинакового размера (9×5 см). Исследования показали, что эти предметы были вдавлены в стены как дополнительные средства внутренней отделки помещений. На дне двух таких чаш сохранились обломки кирпичей, а одна из них полностью находится в гипсе.

Наряду с массовым производством фаянса в Армении высоко ценились и импортные образцы. Изучая отдельные виды фаянсовых изделий (люстры, мины, селадоны), можно заметить, что в изучаемый период основным внешнеторговым партнером Армении выступал Иран. Через него Армения имела торговые контакты с Китаем, свидетельством чего является наличие селадона в Анберде, Ани и Гари.

В Армению в XII—XIII вв. импортировались следующие разновидности фаянсовых предметов:

1. *Фаянс с надглазурной росписью:*
 - а) фаянс, расписанный золотистым lustром;
 - б) надглазурный полихромный фаянс (мина);
 - в) фаянс, покрытый кобальтом, расписанный золотистой глазурью.
2. *Фаянс с подглазурной росписью:*
 - а) фаянс, расписанный кобальтом, прозрач-

ной глазурью; б) фаянс, украшенный растительным орнаментом и арабскими надписями.

3. Китайские селадоны.

В сороковых годах XIII в. Армения, частично залечившая раны после сельджукских нашествий, подвергается набегам со стороны могольских племен. Этот период истории армянского народа характеризуется общим упадком хозяйственной и культурной жизни страны.

После монгольских походов 1236 г. жизнь в городе Двине навсегда затухает; Гарни же продолжает свое существование. По предположению Б. Аракеляна и Г. Караханяна, после разрушения Двина ремесленники переселились в Гарни, где они продолжали свою деятельность уже в новой для себя обстановке. Обнаруженные здесь изразцы и керамический материал подтвердили сведения письменных источников (Ст. Орбелян) относительно того, что поселение Гарни в этот период входило в обширные владения рода Орбелянов и своей значимостью являлось одним из важных для этого времени.

Крепость Анберд в период монгольского владычества оставалась собственностью князей Вачутян. Хотя монголы и разграбили крепость, спустя некоторое время жизнь здесь возобновилась и продолжалась вплоть до XIV в. В связи с этим изучение найденной здесь коллекции фаянса приобретает особое значение.

Крепость Тикнуни в X в. являлась одним из укрепленных пунктов арабов. В научной литературе значение и роль этого интереснейшего памятника остаются до сих пор спорными. Одни исследователи считают ее летней резиденцией монголов (Д. Бакрадзе, М. Броссе), другие отрицают это (А. Манандян, Н. Токарский).

Небольшими раскопками в крепости были обнаружены изделия XIII—XIV вв., свидетельствующие о том, что крепость в этот период действительно была заселена. Лишь дальнейшие раскопки могут прояснить вопрос о социальной структуре этой крепости в древности.

В период монгольских нашествий город Ани продолжает сохранять свое ведущее положение. В XIII—XIV вв. здесь возводятся новые сооружения, чеканят монеты и развиваются ремесла. Обнаруженные при раскопках изразцы и фаянсовые предметы говорят о том, что керамическое производство Ани в этот период входило в число ведущих отраслей ремесленного производства.

После проработки всего комплекса материалов выделяются четыре группы фаянса:

1. Сосуды, расписанные кобальтом.

2. Сосуды с полихромной росписью.

3. Сосуды, расписанные люстром.

4. Изразцы.

Сосуды первой группы, расписанные темным кобальтом, покрыты прозрачной глазурью. Они, как правило, представлены отдельными фрагментами, орнамент на которых в большинстве случаев имеет геометрический или растительный характер. Рассматриваемые сосуды преимущественно происходят из раскопок Гарни, Анберда и Ани. Керамика подобного типа в Хорезме и Сарай-Верке датируется XIII—XIV вв. Это обстоятельство является показателем того, что данная керамика получает свое развитие в обширных территориях, завоеванных монголами, где традиционно существовали древние культурно-производственные центры.

Вторая группа характеризуется полихромной росписью, покрытой прозрачной глазурью. Она немногочисленна, самобытна и встречается, главным образом, в Ани и Гарни. Роспись на сосудах очень густая, орнамент в основном геометрический или растительный, сильно переплетающийся; свободные пространства заполнены синей краской. Иногда эта роспись заменена сетью пересекающихся прямых линий, порою с буквенными знаками или рядами стилизованных цветов. Такая посуда известна из Сарай-Верке, Ага-Вазар и Хорезма, где она присутствует в строго датированных монгольскими серебряными монетами слоях XIV в. Это дает основание аналогичную керамику из армянских городов относить к тому же времени.

Проследивая ареал распространения керамики данного типа, отметим, что анийские образцы наряду с общими признаками имеют в технике исполнения и нанесения орнамента ряд отличительных черт. Интересно отметить, что керамика всей этой обширной территории, характеризующаяся общими ведущими чертами, имеет все же специфические нюансы локального порядка (сопоставление наших образцов с аналогичными из Средней Азии и Поволжья, в которых характерно равномерное украшение выпуклых сферических округлений).

Третья группа сосудов расписана люстром. Это импортная посуда. Транзитные пути, проходящие через Армению, в XIII—XIV вв. сместились к югу. Путь из Тавриза в Трапезунд проходил по линии Хой—Маназкерт. Данное обстоятельство крайне отрицательно сказалось на общем внешнеторговом обороте страны, что получило отражение в ограничении количества импортной керамики.

Особый интерес представляют раскопанные в Ани сосуды, имеющие персское проис-

хождение. В работе приводится описание образцов с характерным темно-синим тоном и нанесенным серовато-золотистой краской растительным орнаментом. Очень часто встречается посуда с зооморфными изображениями (олень), которые напоминают мотивы персидского люстрового фаянса XII—XIII вв., однако стиль цветовой гаммы и рисунка существенно отличаются.

Предполагается, что аийская коллекция относится к иному производственному центру (Султанабад) и более позднему историческому периоду (XIV в.).

Изразцы. В процессе бурных политических событий XIV в. Армения потеряла свою независимость, вследствие чего многие отрасли производства вынуждены были воспринять иноземные традиции. Ярчайшим примером этих изменений может служить факт использования изразцов в строительном деле, которое до этого применялось лишь в архитектуре мусульманского Востока.

Убранство интерьера с применением изразцов характерно для таких церквей, как Киранц (Иджеванский район), Спитакавор (Ехегнадзорский район).

Особенно выделяются изразцы церкви св. Богородицы в Егварде. По внешней форме изразцы весьма разнообразны (квадраты, многоугольники и др.), они расположены в определенной последовательности. По содержанию и художественным особенностям изразцы делятся на три группы.

В первую группу входят квадратные плиты, расписанные растительными и геометрическими узорами, изображениями животных, встречаются и тексты. Они расписаны коричнево-золотистым люстром и выполнены выпуклой техникой. Отрывки текста из поэмы Фирдоуси Шах-Наме нанесены на аркообразно углубленном поясе. Исследуя эти изразцы и сопоставляя их с персидскими, мы приходим к выводу, что все они связаны с иранским центром производства XIII—XIV вв. (Рей, Кашан, Султанабад).

Изразцы *второй группы*, по сравнению с первыми, имеют более крупные размеры, а изображения животных и растений здесь нанесены на гладкую поверхность. Выдержки приведены уже из корана и нанесены на горизонтальную поверхность. Полагаем, что

изразцы этой группы имеют также иранское происхождение.

Третья группа характеризуется восьмиугольными плитами, которые в основном украшены темным кобальтом и лишь местами расписаны люстром. В центре плит изображены контуры озера, кишящего плавающими рыбами; рядом возвышается могучее дерево с сидящими на нем птицами. Не вызывает сомнения, что образцы этой группы относятся к одному из производственных центров Ирана XII—XIII вв.

Для установления времени, когда эти плиты могли быть вмонтированы в интерьеры церковных сооружений, непосредственно на месте были проведены соответствующие исследования. Выяснилось, что для их вставки в стены были сделаны выемки, а затем плиты с помощью раствора (характер его резко отличается от раствора основной постройки) были вставлены в эти выемки. И, наконец, на оборотной стороне изразцов имеется нумерация, которая не соответствует их последовательному расположению в интерьере церкви. Надо полагать, что это не случайное явление; очевидно, номера этих плит должны были обозначать очередность первоначальной установки: их в каком-то другой постройке; позднее плиты были перенесены сюда. По-видимому, при последней реконструкции церкви в 1745 г. эти плитки были в беспорядке установлены в труднодоступных местах.

Систематизация всей серии изразцов приводит к заключению, что резко различающиеся друг от друга изразцы XII—XIII и XIII—XIV вв. происходят из различных ремесленных центров.

В числе действующих в XIII—XIV вв. центров керамического производства Армении были Аии и Гарни, где изготовлялись, в частности, фаянсовые предметы. На датировку изразцов XIII—XIV вв. указывает не только техника изготовления, характер орнамента, выдержки из текстов, но еще и то обстоятельство, что изразцы были найдены в подвальном помещении гостиницы Аии, которая была возведена в последний период существования города, т. е. с XIII—XIV вв. (Т. Токарский, Н. Токарский).